

ОБОРОНА ЧИГИРИНА в 1677 г.

Изучение чигиринских походов 1677 и 1678 гг. связано с двумя основными проблемами: русско-украинскими отношениями и состоянием русской армии накануне петровских реформ. Уже в XIX в. сложился круг основных источников об обороне Чигирина в 1677 и 1678 гг. В первую очередь это дневник шотландца на русской службе Патрика Гордона и документы Малороссийского приказа, опубликованные позднее в XIII томе Актов Юго-Западной России. А. Попов, автор первой специальной работы о чигиринских походах, привлек новые материалы, среди которых наибольший интерес представляет описание военных действий 1677 г., приложенное гетманом Иваном Самойловичем к письму литовскому канцлеру от 21 октября того же года. Отводя обвинения против воеводы князя Григория Григорьевича Ромодановского в беспечности и даже в измене, А. Попов указывал на более существенные причины неудач русской армии: «недостаток в устройстве войска, плохое управление и незнание военного искусства».¹

В обширном труде Н. И. Костомарова оборона Чигирина рассмотрена на фоне непростых русско-украинских отношений второй половины XVII в.: с одной стороны, как продолжение борьбы Речи Посполитой, Московского государства и Турции за обладание Украиной, а с другой стороны, как яркий эпизод совместной борьбы русских и украинцев против турецко-татарского завоевания.²

Н. И. Косиненко на основе уже известных в литературе источников рассматривал военную сторону чигиринских походов и оценил русское военное искусство этого времени «в отношении идей выше тогдашнего западно-европейского», с той лишь оговоркой, что «применение этих идей оставляло желать многого» благодаря «несовершенству всей военной системы стародавней России».³

В советской историографии чигиринские походы стали одним из примеров братских отношений русского и украинского народов, причем имевшие место противоречия затушевывались или оставлялись в тени. Задача проиллюстрировать этот тезис, причем уже на известных материалах, выполнена в диссертационном исследовании Д. И. Мишко.⁴

Н. А. Смирнов, отметив «большие ошибки» русского командования, тем не менее решительно оспорил мнение С. М. Соловьева и других исследователей, рассматривавших войну 1677—1678 гг. как неудачную: «для этого у них нет никакого основания», — утверждал исследователь. Со ссылкой на показания турецких пленных Н. А. Смирнов отмечал высокие боевые качества русской пехоты, не уточняя, однако, о какой пехоте идет речь: солдатах или стрельцах.⁵

В «Очерках истории СССР» автор раздела о чигиринских походах Я. Е. Водарский отметил «огромное значение объединения сил русского и украинского народов в борьбе с иноземными захватчиками». С использованием новых

документов Разрядного приказа он попытался обосновать тезис о превосходстве полков «нового строя» над стрельцами и дворянской конницей.⁶

Этот взгляд на так называемые полки «нового» или «иноземного строя» был оспорен в последнее время. Так, Е. В. Анисимов оценил их как «новый побег на старом дереве», поскольку они сохраняли основные недостатки дворянского ополчения, и в первую очередь поместное обеспечение службы.⁷

В украинской историографии последних лет история русско-украинских отношений XVII в. существенно пересмотрена. В частности, обосновывается мысль о том, что главная тенденция в отношениях Московского государства и Украины состояла не в присоединении ее к России, а в последовательном стремлении создать независимое украинское государство. Этой идеи придерживались гетманы Правобережной и Левобережной Украины как до ее раздела по Андрусовскому перемирию 1667 г., так и после, вплоть до начала XVIII в.⁸

Таким образом, две основные проблемы истории чигиринских походов — русско-украинские отношения и состояние русской армии конца XVII в. — продолжают оставаться дискуссионными.

Новые материалы позволяют существенно расширить фактическую сторону обороны Чигирина в 1677 г. Во-первых, это подробное, на 28 ставах, описание обороны крепости, сделанное ее участником, полуголовой московских стрельцов Алексеем Лужиным в Малороссийском приказе в сентябре 1677 г.⁹ Текст этих распросных речей помещен в приложении. Особенно ценные сведения А. Лужина о событиях с 4 по 9 августа, в которых он участвовал лично. Позднее его перевели на северную стену, и повествование о последующих событиях теряет в подробности и точности деталей.

Рассказ А. Лужина — единственное описание чигиринской осады 1677 г. из первых уст. Впрочем, следует иметь в виду, что А. Лужин рассказывал о чигиринской эпопее в официальной обстановке. Его отчет — это победная реляция участника боев по поручению своего командира. Трудно ожидать от А. Лужина сведений о просчетах своего начальника, да таких и нет в его рассказе.

Уникальный рассказ А. Лужина о чигиринской обороне 1677 г. заставляет уделить внимание его автору. В челобитной 17 июля 1676 г. Алексей Матвеев сын Лужин представил свой внушительный послужной список: службу «лет с сорок», в том числе в г. Валки с 1648 г. полтора года, в 1650 г. в Белгороде «новой Белгород делал и ров копал», в 1652 г. — «город Белой Яр делали», в 1654 г. под Смоленском «в шанцах сидел и на приступе каменьем разбит и в полских и в немецких походах был и под Канауском на приступе был же и под Ригою в шанцах сидел». В 1676 г. А. М. Лужин имел вотчины в Костромском, Кинешемском, Дмитровском, Алексинском уездах, всего 50 дворов.¹⁰

Среди командиров московских стрельцов, своего рода дворцовой гвардии XVII в., А. Лужин пользовался особым доверием властей. В 1676 г. боярину А. С. Матвееву было предъявлено обвинение в колдовстве против здоровья царя Федора Алексеевича. В связи с этим делом на А. Лужина возложили ответственное поручение: догнать в дороге опального боярина и отобрать у него лечебники и людей, выступивших позднее свидетелями в колдовском процес-

се.¹¹ Полгода спустя А. Лужина в составе стрелецкого приказа Г. Титова направили в Чигирин. После окончания осады командир гарнизона А. Трауэрнхихт послал А. Лужина в Москву «с сеунчем». Среди распросных речей А. Лужина сохранилось сопроводительное письмо А. Трауэрнхихта с известием об отступлении турок от Чигирина 29 августа 1677 г.¹²

По сравнению с рассказом А. Лужина описание П. Гордона имеет ряд недостатков. Еще И. А. Смирнов заметил, что в описании чигирийских походов П. Гордон «дает в общем довольно односторонний материал не в пользу русских войск», «всячески восхваляет себя и преувеличивает недостатки русских войск».¹³ П. Гордон попал в Чигирин уже после снятия осады. По собственному признанию П. Гордона, его описание первой чигирийской осады основано на не дошедшем до нас отчете коменданта чигирийского гарнизона Афанасия Трауэрнхихта и инженера фан-Фростена.¹⁴ Мы не знаем, насколько точно П. Гордон передал отчет А. Трауэрнхихта, зато известно, что Гордон испытывал к нему крайнюю неприязнь. За несколько дней до выступления в поход между ними произошла крупная ссора, причем Гордон отверг попытки к примирению, заявив, «что скорее купит за 3 пфенинга веревку, чтобы повесить Трауэрнхихта и всех, кто стоит на его стороне».¹⁵ Примечательно, что в пространном описании осады 1677 г. Гордон ни разу не упомянул имени коменданта гарнизона, с честью выполнившего свой долг. В следующем 1678 г. на место Трауэрнхихта был назначен сам Гордон, причем ему, в отличие от Трауэрнхихта, не удалось удержать Чигирина. Можно допустить, что Гордоном двигало чувство соперничества к более удачливому недругу. В своем дневнике Гордон имел возможность изложить собственное, отличное от официального отчета, мнение о чигирийских событиях 1677 г., основанное частично на собственных наблюдениях, частично на полученных от других данных. В этом состоит уникальность его повествования.

Любопытно, что А. Лужин попал в поле зрения самого П. Гордона, находившегося в тот момент в войске Г. Г. Ромодановского в нескольких верстах от Чигирина: 29 августа «прибыл из Чигирина подполковник с шестью солдатами и привез известие, что турки сняли осаду и отступили в большом беспорядке». Далее П. Гордон рассказывает захватывающую историю: «Подполковник, прибывший из Чигирина (А. Лужин. — П. С.), был послан с другим подполковником в Москву с приятным известием об отступлении татар. Подполковник, прибывший из Москвы и в тот же день вновь туда посланный (А. Карапеев. — П. С.), нагнал их на занятых лошадях. Увидев, что и оба подполковника, и посланные с тем же известием от Голицына спали на лугу, а лошади их паслись, он послал к ним несколько человек, велев потихоньку перерезать подпруги и стремянные ремни и таким образом задержать их. Благодаря этому подполковник прибыл первый около полудня с приятною новостью к царю, за что и получил 50 крепостных, брату же его был дан чин стольника. Подполковники же, прибывшие к вечеру, получили только благодарность и небольшие подарки».¹⁶

На самом деле А. Лужин прибыл в Москву не вечером того же дня, а четверо суток спустя — 11 сентября.¹⁷ В рассказе П. Гордона «подполковник, прибывший из Чигирина», т. е. А. Лужин, оказался автоматически вовлечен в историю с подрезанием подпруги. Однако подлинный герой и участник обороны

Чигирина, А. Лужин (ему было около 60 лет), не участвовал в скачках на скорость с целью первым доставить в Москву известие об отступлении турецкой армии. Зато записанная с его слов в Москве, скорее всего в день приезда, история чигирийской осады по сравнению с краткими известиями приехавших ранее¹⁸ представляет собой подлинный и подробный рассказ очевидца.

Неточно и утверждение П. Гордона о том, что прибывшие позднее подполковники получили только благодарность и небольшие подарки. В действительности это относится к посланцу В. В. Голицына, а что касается А. Лужина, то его сын Петр был пожалован в стряпчие уже 12 сентября, а сам он кроме чина московского дворянина получил 21 декабря «за чигирийский осадной сеунч» 4 аршина сукна, а в январе 1678 г. «за чигирийскую отменную службу и за осадное сидение» вместе с другими «чигирийскими сидельцами» — четырьмя стрелецкими головами — еще 10 аршин сукна.¹⁹

История приезда в Москву гонцов с известием об отступлении турок от Чигирина — только один из примеров продуктивности взаимной проверки дневника П. Гордона и материалов, связанных с приездом А. Лужина. Дальнейшее сопоставление двух подробных и независимых описаний, сделанных опытными комендантирами — А. Лужиным и П. Гордоном, — позволяет в деталях воссоздать оборону крепости.

Исклюючительный интерес для понимания ситуации в самом Чигирине представляют также: подлинное следственное дело с распросными речами о намерении украинских казаков перебить московских служилых людей в крепости, отписки в Москву киевского воеводы боярина А. А. Голицына с изложением донесений полковника М. Кровкова из Чигирина накануне подхода турецкой армии, два отчета М. Кровкова о состоянии чигирийского гарнизона зимой 1676/77 г. и другие неизвестные ранее источники.

В 1676 г. польская армия под командованием короля Яна Собесского была окружена превосходящими силами турок на Днестре. 17 октября был заключен тяжелый для Речи Посполитой, но в тех условиях спасительный Журавинский мирный договор: к Турции отходили Каменец и почти вся Правобережная Украина, стороны договорились о совместных действиях против Московского государства.

В ходе польско-турецкой войны гетман Правобережной Украины Петр Дорошенко отдался под покровительство Турции. Московское правительство посчитало момент удобным для присоединения Заднепровской Украины. Войска боярина Г. Г. Ромодановского и гетмана Левобережной Украины И. Самойловича подошли к столице П. Дорошенко Чигирину и 18 августа 1676 г. вынудили его присягнуть московскому государю. Дорошенко взяли под стражу и доставили в Москву. В день заключения Журавинского договора символы его гетманской власти были торжественно сложены у трона царя Федора Алексеевича. Это совпадение подчеркивало неизбежность войны Турции и Московского государства за Правобережную Украину — первое прямое военное столкновение этих двух крупнейших держав на востоке Европы.

29 октября 1676 г. в Чигирин прибыл полковник М. О. Кровков, временно возглавивший гарнизон. По своей инициативе он стал готовить город к обороне. 10 декабря 1676 г. в Москве получили составленный им чертеж крепости с подробным описанием: «Верхней, государь, город был рублен в тарасы и

обламы и мосты огнили и опали, в приход неприятелских людей по городу и по выводам по причинным местам пущек поставить и людей розвести немочко. А Нижнего, государь, города от наугольной башни от болота и от реки Тясмины по Верхней городу» — 632 сажени, «острог и замет худ, в иных местех обвалился, а инде и нет, а как река Тясмин станет льдом и от болота и от реки никакие крепости нет и в приход неприятелских людей сидеть не в чем».

В следующем донесении М. О. Кровков сообщал, что на 20 декабря в крепости находились: часть полка А. А. Шепелева — 757 чел., полк М. О. Кровкова — 1296 чел., — всего 2043 чел. Крепостная артиллерия была в плохом состоянии: 40 медных и 11 железных пищалей, гранатных пушек — 4 железных и 1 медная, из них у 18 «больших у лучших медных... запалы россечены, к стрельбе не годятся, а ко всем пушкам ядер нет», кроме 400 ядер, специально присланных от Г. Г. Ромодановского. Кроме того, с собой московские люди привезли 12 полковых пушек длиною по 3 аршина, 1800 ядер, 100 больших и малых гранат.

По сведениям И. Самойловича, в Чигирине было 54 крепостных орудия. Гетман был вынужден оправдываться в том, что казаки не имеют отношения к порче 18 больших пушек: «у тех де пушек запалы не розсечены, от многие стрельбы разстрелялись, потому что пушки старыя и много из них стрелено». Уже после окончания осады П. Гордон насчитал в Чигирине 45 пушек разных типов и калибров, в том числе только 10 больших. Сокращение общего числа пушек с 56 крепостных и 12 стрелецких в отчете М. Кровкова до 45 у П. Гордона отражает, видимо, убыль орудий во время осады.

У крепостных пушек, сообщал далее М. О. Кровков, «пушечные станки и колеса огнили, станков и колес оковать нечем и к городовым воротам затворы зделать и замкнуть пробоев и запоров невчем, железа нет», бревен «на городовую починку» и на амбары привезти «не на чем» — «площади от безкормицы повалялись». Учитывая настороженное отношение местного населения, Кровков не решился без царского указа конфисковать овес и сено в пустых дворах. Чигиринский полковник отказался дать железо, овес, сено и помочь возить лес на лошадях местных жителей под предлогом их бедности. Полк Кровкова не получал жалования последние три месяца, а некоторые из солдат — пять месяцев. Последний небольшой запас хлеба и соли Кровков не раздавал солдатам, приберегая «на самое нужное время».²⁰

В январе 1677 г. в Москве стало известно, что гетман Иван Самойлович прислал в Чигирин миргородского полковника с 300 черкасами, «а стоят в Нижнем городе особ» от московских войск. В гарнизоне было «от голоду много болных». Из полков Кровкова и Шепелева бежало 237 чел., для ремонта укреплений не было сил и лошадей.²¹

Ситуация осложнялась напряженными отношениями с местными жителями. 27 декабря 1676 г. дворовый гетмана П. Дорошенко бранил «матерны» полкового священника и писарей, которые пришли на гетманский двор склонить Христа на Рождество: «Какое де вам дело маскалы скурвые дети на двор и в хату ходить без ведома, здоров бы был пан гетман Петр Дорофеевич, всем вам маскалям скурвым детям здесь в Чигирине не быть». На другом дворе хозяин ругал солдат «неподобною бранью». Московский ротный писарь стал его «зумматъ: братец хозяин, не бранись ты с нами и он и меня учал бранить:

якие де вы нам братъя, вы де с нами братайтесь, а камень держите в пазухе, здоров де бы наш гетман Петр Дорошенко, а вы де у нас в закладе: буде де што учинитца над нашим Дорошенком, вас де мы всех выстинаем и за ноги из Чигирина вытаскаем, станут де вашо мясо пси есть, не усидеть вам будет и в Вышнем замку, вы де начаяетесь, что вас много, а нас мало, зараз де и нас будет богато, а маскалем де Чигириным не владеть». В кабаке шинкарь заявил солдатам: «дайте сроку, прирубим вас русских людей».

Хозяева других дворов, напротив, предупреждали московских солдат о готовящемся против них выступлении. Один говорил: «маскали берегитесь, караул бы де у вас был крепок, старшему своему скажите: у старших де наших быть над вами худу». Другой хозяин предупреждал: «на торгу чюв от казаков своих: хотят де вас маскалей всех выстикатъ, а иных в Крым отдать». Солдат А. Якимов резонно заметил хозяину: «коли мы будем в Крыму и ты с нами будешь». Хозяин ответил: «коли ты мне будешь брат и я де тебе не велю стинать и в Крым отдавать... а тех де маскалев выстинаем, вы де маскали пришли нас обманывать, кто де у нас на Украине ни был, никто нас не обманывал».

Еще один хозяин сказал солдатам: «есть де у наших старших завод некакой... а есть де их заводчиков человек с тритцать... им де ничего, а нам де лихо, а какой завод, того не сказал: сами де увидите». Местные жители ругали и миргородских казаков, присланных с гетманом И. Самойловичем с Левобережной Украины на помощь московским войскам: «по какому вы указу в Чигирин приехали и для чего здесь живете, мы вас и русских людей выстинаем».²²

Как видим, чигиринцы по-разному вели себя с московскими солдатами, но, судя по всему, недовольство плениением Дорошенко и постоем солдат было преобладающим. Угрозы в адрес «маскалей» так и не вылились в открытое выступление. «Заводчиков» было немного, а две тысячи московских солдат представляли внушительную силу. К тому же они занимали Верхний замок, и любое выступление на посаде не имело бы шансов на успех.

М. О. Кровков оказался на высоте положения и сумел в трудных условиях организовать ремонт укреплений. 14 февраля 1677 г. киевский воевода А. Головин получил от Кровкова отписку: солдаты «многие заскорбели и стоят на караулах без перемены, и работают безпрестанно: лес из лесу возят, а городов Верхнего и Нижнего, не укрепя, в приход неприятельских людей и от шатости чигиринских жителей сидеть не в чем».

Весной 1677 г. турецкая армия под командованием Ибрагим-паши, прозванного Шайтаном, перешла Дунай и двинулась на Украину, к Чигирину. В походе принимали участие те же войска, что и в успешной войне с Речью Посполитой, когда турки заняли 70 городов.

П. Гордон приводит три известия о численности турецкой армии. Одно из них он узнал от направленного в Москву пленного, но передал его весьма приблизительно. Другое известие, «которое по мнению Гордона ближе всего к истине», не находит буквального подтверждения в документах Малороссийского приказа, хотя и не противоречит всей совокупности известных данных: около 15 тыс. янычар и другой пехоты, 30 тыс. турок и валахов, около 20 тыс. татар, 28 орудий, в том числе 8 крупных.²³

Ибрагим-паша планировал в три дня взять Чигирин, а затем Киев. Ту́рецкое командование знало о малочисленности чигиринского гарнизона. 25 июля 1677 г. беглый татарин сообщил в Москву, что, по турецким сведениям, в Чигирине было 1500 московских ратных людей и 3000 казаков. В турецком войске находился сын Богдана Хмельницкого — Юрий, провозглашенный султаном гетманом и князем Украины. Турки полагали, что когда он появится под Чигирином, то «казаки тотчас ему поддадутца, а Хмельницкой их в том крепко обнадеживает». Татарский выходец показал также, что у турок «слава носитца» будто московские ратные люди «подлинно хотят город покинуть и бежать на сюю сторону Днепра». Однако эти победные настроения не имели оснований. Запорожская сечь не признала турецкого ставленника. Уже после переправы через Дунай «многие» янычары начали убегать из армии «для того, что ведомость у них была, что город Чигирин крепок и дачею его не здадут и отпор де из него станут чинить жестокой, не так как было в Польше, имали они города без затруднения».²⁴

В Чигирин были посланы три стрелецкие приказа — Г. Титова, Н. Борисова и Ф. Мещеринова — всего 2197 чел.²⁵ В подлиннике дневника П. Городсова на численность этих приказов оценена приблизительно в 2400 чел. В немецком издании и русском переводе она превратилась в 24 000 чел. и так закрепилась в исторической литературе. Так, Н. И. Костомаров полагал, что в 1677 г. Чигирин защищали 24 тыс. стрельцов и около пяти тысяч казаков.²⁶ В этом случае турецкая армия лишь в два раза превышала бы чигиринский гарнизон.

Это недоразумение существенно искажает картину осады. На самом деле в крепости находились: солдаты Кровкова и Шепелева, за вычетом беглых, около 1800 чел., стрельцов 2197 чел., гетман И. Самойлович приспал четыре казацких полка — 4500 пехоты с мушкетами, а перед приходом турок — еще 500 казаков, всего около 9 тыс. чел.²⁷ Следовательно, турецко-татарское войско превосходило защитников Чигирина не менее чем в семь раз. Начальником крепости был назначен генерал-майор А. Трауэрнхт.

Через приехавшего в Чигирин волошенина в Москве 4 марта стало известно, что в захваченных турками городах поляки побили турок и татар, договор с султаном о мире «ни во что того не поставили» и собирают войска для войны. 20 марта об этом же сообщал на родину нидерландский резидент в Москве.²⁸

В марте—начале апреля московские власти решили направить против турок две армии. «Большой полк» под командованием В. В. Голицына должен был разместиться в Севске, Белгородский и Севский полки под командованием Г. Г. Ромодановского собирались в Белгороде. Размещение главных сил далеко от Днепра было вызвано необходимостью прикрыть собственную границу в связи с возможностью враждебных действий со стороны Речи Посполитой. 9 мая В. В. Голицын был «ку руки», а 23 мая — пошел из Москвы в Севск.²⁹ 18 июня царь с боярами слушали показания малороссийских казаков о движении турецкой армии к Чигирину. В письме 17 июня нидерландский резидент отметил, какое впечатление произвели эти известия: «здесь при дворе сильно напуганы неожиданным вторжением турецких и татарских сил». И. Келлер сообщил о посыпке на юг «большого количества войск» и возвращении на службу уволенных иностранных офицеров.³⁰

В Москве приняли решение немедленно усилить армию В. В. Голицына. Еще 7 июня П. И. Хованскому было указано собираться с полком на Туле, идти в Мценск и быть сходным воеводой В. В. Голицына. 18 июня боярину В. Д. Долгорукову было велено собрать в Брянске Новгородский полк, также подчиненный В. В. Голицыну. 18 июня они оба были на отпуске, В. Д. Долгоруков выехал к месту службы уже 19-го, а П. И. Хованский — 26 июня. В эти дни В. В. Голицын писал в Москву о прибавке войск, особенно стрелецкой пехоты. Однако вскоре решение было изменено. 29 июня В. Д. Долгорукову было велено остановиться и идти к Пскову. Одновременно В. В. Голицыну отказали в прибавке стрелецкой пехоты. В письме 3 июля И. Келлер сообщил, что в Москве «испуг, порожденный известом о приближении больших турецких и татарских армий начинает проходить» и «стало известно, что турецкие армии... не представляют той огромной силы, как говорили поначалу».³¹

Эти изменения привели к тому, что В. В. Голицын не только не получил верховного командования, но и остался с незначительными силами. Сходный воевода В. В. Голицына боярин И. В. Бутурлин тут же воспользовался неопределенным положением своего начальника и отправил в Москву сына с жалобой, что В. В. Голицын велит «без вестей» идти к нему на соединение.³² По местническим понятиям идти к кому-либо «в сход» означало признать себя значительно ниже, поэтому служилые люди старались этого избежать.

15 июля в Москве получили подтверждение, что неприятель намерен идти к Чигирину и оттуда к Киеву. В этот же день бояре приговорили: если турки пойдут на Чигирин, то В. В. Голицыну идти на помощь Г. Г. Ромодановскому, а если Муравским шляхом — на сходного воеводу В. В. Голицыну П. И. Хованского, то Г. Г. Ромодановскому помочь В. В. Голицыну.³³ Это решение таило в себе большую угрозу. Воеводы соперничали между собой, и, не назначив одного главнокомандующего, московское правительство ставило на карту исход военных действий.

23 июля В. В. Голицыну было послано неожиданное распоряжение идти к Переяславлю, тогда как Г. Г. Ромодановскому и И. Самойловичу следовало по вестям идти к Днепру.³⁴ Нам не известны причины посылки В. В. Голицына в сторону от эпицентра военного столкновения. Остается предположить, что родственники хлопотали о том, чтобы В. В. Голицыну не идти в сход к Г. Г. Ромодановскому.³⁵

Сохранились итоговые данные о мобилизации армии Г. Г. Ромодановского на 26 июня, накануне выступления к Чигирину. Не считая черкас, на службу явились 34 536 чел., а 6206 чел. значились «в нетех». Московские выборные полки и столичные стрелецкие приказы были практически в полном составе: 6395 чел. и только 1 нетчик. В прочих солдатских, а также в рейтарских и драгунских полках наблюдаем совершенно иную картину: явились 26 тыс., тогда как почти 5 тыс. числились «в нетех». Среди дворян и детей боярских явилось 988 чел. и не явились 1047 чел., московских чинов соответственно — 535 и 349.³⁶ Привилегированные части столичного гарнизона — выборные солдатские полки и стрелецкие приказы — имели высокую мобилизационную дисциплину, тогда как в большинстве так называемых полков «киноземного строя» неявка составляла 16%, а среди городовых дворян и детей боярских — 51%. Следует подчеркнуть, что в общей массе «нетчиков» число солдат,

драгун и рейтар абсолютно преобладало. В этом плане так называемые полки «иноzemного строя», за исключением двух выборных солдатских полков, существенно уступали стрелецкой пехоте.

Размещение московских войск вдали от Днепра поставило чигиринский гарнизон в сложное положение. Вся чигиринская оборона 1677 г. длилась как раз столько, сколько Г. Г. Ромодановский и И. Самойлович шли к крепости. Кроме того, отсутствие московских войск на Украине ставило под угрозу ее союз с Москвой. Сотник одного из казацких городков задержал и ограбил ехавших к Г. Г. Ромодановскому казаков. Он хотел выдать их туркам «для того: где де ваш боярин и гетман, и для чего вы даете христиан Турком; а нам де против Турок без помочи делать нечево; а только б де они слышали о ратех государских и о войске запорожском и они б против неприятелей бились, а ныне за неволею им Турком отдается, что по силку нет». Только узнав, что московская рать идет на Украину, казаки отпустили посланцев к Г. Г. Ромодановскому.³⁷

28 июля перебежчик сообщил чигиринцам о подходе турецкого войска, 30 июля у крепости появились первые разъезды, а 3 августа подошли главные силы турецкой армии.³⁸ В этот же день из крепости была сделана вылазка. П. Гордон сообщает о том, что «несколько рейтар выехало из города для стычек с турками, но вскоре они были принуждены отступить с уроном». Это свидетельство лишено достоверности. В крепости совершенно не было конницы. 71 полковую лошадь для перевозки пушек кормили всю зиму последними запасами, поскольку было необходимо возить лес для ремонта укреплений. После окончания работ их отослали из крепости. На последней лошади, остававшейся у полковника Г. Карпова, был отправлен гонец с известием о приходе турок. Как сообщил турецкий пленный, 3 августа «подходили к городу небольшие люди охотники, а из города де выходило пехоты на вылазку с двесте человек и меж собою перестреливались; а схватки и бою меж ими опричнцы не было; только де чигиринские сиделцы турков небольшое число и лошадей небольшое ж число под ними застрелили».³⁹

В данном случае П. Гордон продемонстрировал не только свою неосведомленность, но и определенную тенденциозность. В этом частном эпизоде он в более выгодном свете изобразил турок, чем русских, хотя даже по свидетельству турецкого пленного успех сопутствовал именно русским.

Следующий эпизод опять же представлен П. Гордоном как неудача осажденных: «Затем из города и замка выступила... часть пехоты, но и она была отогнана, оставив на месте многих своих товарищей». В описании А. Лужина эта вылазка точно датирована и подробно описана, но с иной оценкой: 4 августа «во 2-м часу дни неприятельские люди конные и пешие учали приходить к старому валу», окружавшему Чигирин. А. Трауэрнхт направил на вылазку 3 полуголов, 6 сотников и 900 охотников стрельцов, а из Нижнего города «казаков с тысячечу человек и болши». На старом валу закипел жаркий бой «со второго часу дни до вечера, сстрелялись из мелкова ружья и съемным боем». Стрельцы и казаки вытеснили турок с вала и «в вечеру отступили в город в целости». Турецкая пехота тут же заняла вал.⁴⁰ Таким образом, А. Лужин полагал, что вылазка была удачной и без существенных потерь.

Ночью турки соорудили «против Верхняго города и Спасской башни» туры и шанцы в 50 саженях от крепостной стены «и поставили два роскаты и на роскаты втащили пушки». В отписке из Чигирина А. Трауэрнхт сообщил в Москву, что 5 августа Ибрагим-паша прислал в крепость «лист, чтоб город Чигирин ему отдал». А. Трауэрнхт ответил решительным отказом. Видимо, «лист» был доставлен на исходе ночи с 4 на 5 августа, потому что уже часа за два до рассвета турки открыли огонь «иis пушек и из мелково ружья» по верхнему городу и Спасской башне. Каюнада продолжалась весь день 5 августа «до вечера непрестанно». Турецкие пленные показали, что на этих батареях были установлены «большие и средние все восемь пушек» калибром в 60 и 51 фунт. Крупные турецкие орудия подавили чигиринскую артиллерию и разрушили верхнюю часть стены: по свидетельству А. Лужина, Спасскую башню и стены «испробили и верховые пушечные бои отбили и пушки с станков збили». Из города стреляли из среднего боя «и от Козья Рогу и от Дорошенко-тырямы ис пушек и из мелково ружья» «беспрестанно».⁴¹

Сведения П. Гордона об этих двух турецких батареях кратки и противоречивы: на них стояли «по две 20-фунтовые пушки». Как сообщает сам П. Гордон, у турок имелись более крупные орудия, и поэтому непонятно, чем были вызваны разрушения в крепости, если обстрел велся только четырьмя орудиями среднего калибра.⁴²

В ночь на 6 августа противник продвинул шанцы к Верхнему городу ближе на 10 саженей. Здесь снова были сооружены «роскаты и на роскатах поставили пущечной и огнестрелной снаряд», и вновь часа за два до рассвета открыли стрельбу. На этот раз турки сосредоточили огонь на роскате, «что зделан на Дорошенковой турме», где стоял стрелецкий полк Г. Титова. Весь день 6 августа неприятель бомбардировал роскат Г. Титова, и «верхние бои збили и роскат розбили и каменнную стену испробили». Уцелевшие орудия стрельцы ночью свезли со стены.⁴³

В ночь на 7 августа турки подвели шанцы еще ближе на 10 саженей против башни, «что стоит к Козьему рогу и учинили роскат», открыли огонь из пушек «и ту башню и стену и церковь Николая чудотворца испробили во многих местах и верховой бой отбили». Стрельцы вновь стащили уцелевшие орудия. Этой же ночью турки подкопались к крепостной стене еще ближе, расстояние между противниками составляло теперь не более 20 саженей. Вражеские орудия расстреливали осажденных в упор: «в городе ратным людем и казаком было утеснение и от верховых нарядных гранат» в крепости «розметало и пожгло» телеги и запасы. По словам А. Лужина, «толко за помощью божиую отстреливали ис пушек и из мелково ружья».⁴⁴

Оценив ситуацию как критическую, А. Трауэрнхт на рассвете 7 августа сделал вылазку: стрельцы и черкасы «метали ручными гранаты» и «выбили» турок из ближних шанцов «в середине», отбросив неприятеля на столь важные 10 саженей. В схватке стрельцы «многих турских людей копы и списами перекололи» и взяли трех пленных. Осажденные вернулись в крепость «в целости». В дневнике П. Гордона, вероятно, из отчета Трауэрнхта указано число участвовавших в вылазке: 1000 казаков и 800 русских, из которых убито 30 и ранено 48. П. Гордон признал успех сделанной А. Трауэрнхтом вылазки, но не упустил случая заметить, что комендант «слишком долго медлил» с нею.⁴⁵

А. Трауэрнхт собрал военный совет и приказал усилить укрепления. В трех метрах позади стены был сооружен новый вал, а промежуток засыпали землей. На новых укреплениях «поделали середние и нижние пушечные бои и поставили пушки», которые тут же открыли огонь.⁴⁶

Упорное сопротивление заставило турок попытаться расколоть защитников крепости. Ю. Хмельницкий обратился к казакам с универсалом, призываю сдать Нижний город. Он отговорил турецкое командование рвать подкопы к крепости, «потому что то старинная его вотчина», надеясь, что казаки откроют ворота. П. Гордон добавляет, что Ю. Хмельницкий обещал казакам «свободу, безопасность и утверждение привилегий, а также уплату невыданного жалования и жалование на два года вперед, а каждому казаку сверх того две новых одежды в подарок». Путая хронологию событий, П. Гордон поместил недатированный рассказ об этом событии на четыре дня раньше, чем следовало: между 4 и 5 августа. На самом деле, как видно из сохранившегося универсала Ю. Хмельницкого, обращение к казакам в Чигирине относилось к 8 августа. П. Гордон, оговариваясь, что ему эта история «достоверна и неизвестна», тем не менее сообщает, что казаки будто бы хотели сдаться и ответили, что после сдачи русских «они не окажут сопротивления».⁴⁷

В расспросных речах А. Лужина эти переговоры представлены совсем в ином свете: казаки не только решительно отвергли предложение перейти на сторону турок, но будто бы даже едва не уговорили православных молдаван и валахов (в турецком войске их было около 19 тыс.) перейти на сторону своих единоверцев. Далее А. Лужин, явно приукрашивая действительность, рисует идеальную картину боевого братства казаков и московских ратных людей в осажденном Чигирине без малейшего намека на какие-либо разногласия.⁴⁸ П. Гордон и А. Лужин по-разному описали взаимоотношения русских и украинцев. Однако их сведения соглашаются в главном: убедившись в верности казаков, русские «взяли сначала 300, а потом и более» казаков в Верхний замок «и вместе с ними заняли часть крепостных верхов и стену вдоль реки».

А. Лужин подробно описал взаимоотношения казаков и московских ратных людей в осажденном Чигирине: «казаки, из Нижнева города в Верхней город приходя к ратным людем, против турков битца и стрелять помогали безпрестанно и на городе заодно с ратными людми ставали. Так же и ратные люди, в Нижней город приходя, им помогали ж безпрестано. И в осаде казаки сидеть ратным людем были надежны, а надежнее были всех нежинского полку и глуховцы». Дома нежинских и глуховских казаков были сразу за Днепром, и они прекрасно понимали, чем им грозит падение Чигрина. Немногочисленные казаки, сторонники Ю. Хмельницкого в турецком войске, утверждали, что в крепости вообще нет казаков, потому что «они видят с города бой московский, а не казацкой». На самом деле московские ратные люди и казаки вместе бились против «басурман».⁴⁹

Потерпев неудачу с казаками в Чигирине, Ю. Хмельницкий в дальнейшем не оставлял стараний перетянуть население Украины на свою сторону. 14 августа он разоспал в левобережные казацкие полки свои универсалы с призывом признать его гетманом. Все 8 универсалов казаки Переяславского, Нежинского, Черниговского, Прилуцкого, Гадячского, Миргородского, Лу-

бенского и Полтавского полков отослали киевскому воеводе боярину А. А. Голицыну. Как сообщал переяславский полковник, только на Правобережье «города Черкас жители и казаки поддались Юраску Хмельницкому, потому что де турки и орда к ним пришли и им де черкаским жителем помочи нет».⁵⁰

Под Чигириным перестрелка «с пушек и верховыми гранатами и из мелкового ружья» продолжалась «безпрестанно» днем и ночью до 9 августа. В этот день, по рассказу А. Лужина, полуголова И. Дуров с 600 стрельцами и около 500 казаков пошел на вылазку. О ее подготовке П. Гордон сообщил подробные и уникальные сведения: А. Трауэрнхт был в дурных отношениях с головами, т. е. стрелецкими полковниками... «вследствие их упрямства оказались незапасенными многие предметы... когда готовилась вторая вылазка, они отклонили от себя участие в ней, ссылаясь на то, что они по старинному обычаю освобождены от подобных рискованных предприятий. После горячего спора было наконец решено, что вылазка будет сделана под начальством одного из подполковников. Брошен был жребий, упавший на некоего Илью Дурова». По данным П. Гордона, в вылазке участвовали 600 стрельцов и 800 казаков.

А. Лужин, напротив, утверждал, что «в осадное время головы генералу во всем были послушны и во всем с ним генералом советовали», а самому А. Трауэрнхту дал весьма лестный отзыв: «генерал де к ратному осадному делу знающ и не дробок».⁵¹ А. Трауэрнхт действительно показал себя с лучшей стороны. Нидерландский резидент в Москве И. Келлер, собирая при московском дворе данные об обороне Чигирина, писал на родину, что А. Трауэрнхт «защищается с храбростью мужчины; он доказывает своими действиями, что достойно носит это звание».⁵²

По рассказу А. Лужина, на вылазке 9 августа стрельцы и казаки закидали противника ручными гранатами и бросились в рукопашную: «А бой был съемный большой, — сообщал А. Лужин. — И из задних шанец, турки пришед своим на помочь, бились тот ден весь». После упорного боя казаки и стрельцы были вынуждены отступить.⁵³

Удержав за собой шанцы, турки «ночми пришанцовывались ко рву», т. е. подвели шанцы вплотную и повели подкоп под стену у Спасской башни. Мощный взрыв опрокинул стену наружу. А. Лужин вспоминал, как неприятель «з знаменами» «всеми силами» устремился к Спасским воротам, но был отбит. Тогда турки соорудили новые шанцы «против башни Козья Рогу» в 30 саженях от крепости. Отсюда осажденные ходили «по воду тайником х колодезю и в реку Тясмину». Однако орудийным огнем из города турецкий роскат «роздили и пушки збили, а иные пушки и розбили». Оставшиеся орудия турки перенесли в другое место — к Верхнему и Большому городу.⁵⁴ Этот успех защитников крепости у П. Гордона также отсутствует.

В Чигирин перебежал «арапчинин» и указал место, где турки вели подкоп под Верхний город. Стрелец приказа Г. Титова «тот подкоп учал перекопывать», но был убит гранатой. Одновременно турки повели подкоп в Нижнем городе и взорвали восемь саженей стены, которая рухнула в ров. По случайности никто из осаждавших не пострадал. Турки бросились на штурм «всеми силами». А. Трауэрнхт направил в пролом 12 стрелецких сотен, которые вместе с казаками бились с турками «часу с шестаго дни до вечера» и заста-

вили противника отступить в шанцы. За ночь пролом заделали «струбами» и засыпали землей.

П. Гордон относит этот взрыв к 4—5 часам пополудни 17 августа и исчисляет потери турок в 100 чел., а осажденных — только 12 убитых и 18 раненых. Соотношение потерь, а главное — неудача турецкого штурма, остановленного в проломе после упорного многочасового рукопашного боя, свидетельствует о стойкости осажденных и их победе. Однако в описании П. Гордона именно победители выставлены трусами: «осажденные, перепуганные неожиданным сильным ударом, оставили позицию, которую заняли турки. Но вскоре осажденные пришли в себя и отогнали их с помощью гранат».⁵⁵

В этот тяжелый для осажденных момент «приезжий татарин» сообщил одному из казаков, что Г. Г. Ромодановский и И. Самойлович идут к Днепру. А. Трауэрнхт, «поговоря» с чигиринским полковником Г. Карповым, послал из города казака Дворецкого и стрельца с просьбой о помощи.⁵⁶

Во время ожесточенных боев у Чигирина главные силы московской армии проявляли исключительную медлительность. Во-первых, сказался стратегический просчет: войска были расположены слишком далеко от Днепра. Только 10 августа И. Самойлович дождался армию Г. Г. Ромодановского на реке Артополоте, более чем за сто верст от Чигирина. Здесь союзники стояли три дня, видимо поджиная отставших. К Днепру они вышли только 24 августа. В. В. Голицын выступил из Путивля 7 августа и достиг Днепра уже после ухода турецкой армии.

Во-вторых, московские войска за исключением столичных стрельцов и двух выборных солдатских полков представляли весьма аморфную и малобоеспособную массу и не были приспособлены к быстрым передвижениям. Сходный товарищ В. В. Голицына — И. В. Бутурлин — объяснял, что у его полка «мешкота» ученилась «за подводы: пушки и пущечные припасы... стрельцы тащат на себе». Многие дворяне явились на службу «пешими» и били челом «с великою докукою», что без жалования служить не могут, а «киные побежали».⁵⁷

Так называемые полки «иноzemного строя» в армии В. В. Голицына были безоружны. По обычанию правительство выдавало драгунам и рейтарям карабины и пистолеты только на время военных действий, справедливо опасаясь, что они могут продать свое оружие. В. В. Голицын настойчиво просил выслать к нему огнестрельное оружие, но оно было отправлено из Москвы только 2 сентября, когда надобность в нем уже давно миновала. Вместо карабинов и пистолетов В. В. Голицын наспех вооружил рейтар самодельными копьями.⁵⁸

Чигиринскому гарнизону ничего не оставалось, как держаться до подхода главных сил. После штурма 9 августа натиск осаждавших ослабел. Дни проходили в перестрелках, из крепости несколько раз ходили на вылазки, которых А. Лужин насчитывал около десяти. На них было захвачено три вражеских знамени. Турки начали сооружение новых шанцев — «подле городового рва покопали шанцы глубокие» и «покрыли плетнями, и хворостом, и камышом». Окончив работы, они открыли сильный огонь и сбили «катки и обламы» с Верхнего города.⁵⁹

Около 17 августа раненый стрелец приказа Н. Борисова, в котором состоялся А. Лужин, объявил, что «в тонце сне» ему было явление: «в ыноческом шатре стар человек, наподобием чудотворцу Сергию». Старец повелел стрельцу объявить всем осажденным, чтобы они стояли «крепко» и что скоро придет помощь. А. Трауэрнхт приказал «петь молебны», священники кропили святой водой городские укрепления. И «тем явлением, — рассказывал А. Лужин, — ратные люди и казаки укрепились и над неприятeli... чинили воинские промыслы мужественнее прежняго».⁶⁰ Это важнейшее для осажденных событие прошло мимо внимания П. Гордона.

Год спустя, в 1678 г., в осажденном Чигирине П. Гордону тоже приснился сон: будто бы в ближайшее воскресенье он попал к туркам в плен; «те, которым он рассказал свой сон, — пишет о себе П. Гордон, — объясняли его так, что в этот день гарнизон получит помощь».⁶¹ Если взять на себя смелость толковать сны, то П. Гордона в осажденном Чигирине волновала в особенности его собственная судьба, тогда как московских служилых людей — приход помощи для всех. Может быть, поэтому они столь тенденциозно толковали сон П. Гордона.

Видение стрельцу Сергия Радонежского в осаду 1677 г. не могло не сплить защитников крепости — православных русских и украинцев. В турецком лагере у стен Чигирина мусульмане шесть раз в день творили намаз. Перед татарами восточного войска, диковинные верблюды и буйволы дополняли картину войска «басурман». Разосланные во все стороны турецкие и татарские отряды опустошили украинские селения, гоняя пленных в лагерь. Перед лицом грозного иноземного вторжения бывшие разногласия русских и украинцев отошли на второй план.

17 августа была взорвана часть стены «против Дорошенковой тюрмы», не причинив осажденным особых потерь. Очередной штурм был отбит. Еще два подкопа под башню Козий рог стрельцы «перекопали и засыпали». Турки все ближе подкапывались к укреплениям. Против башен Спасской и Козий рог они засыпали ров землей и около самого рва построили шанцы и даже сделали «пролазы» в сам ров. С предельно близкого расстояния турки стреляли «из большого снаряда и из верховых пушек гранаты» и «нарядными стрелами» для зажигания города. В крепости вспыхивали пожары, которые осажденные заливали водой и гасили «помелами». Особенный урон был от «верховых гранат», т. е. от мортирного огня, который не только убивал людей, но уничтожал запасы и имущество. По свидетельству А. Лужина, медные ручные гранаты противника особого вреда не принесли.

Днем под прикрытием щитов турки заваливали ров турками и землей. Ночью осажденные «ту землю разметывали по рву на стороны», а туры, складывая в кучи, жгли. Когда костры рассеивали мрак украинской ночи и свещивали ближайшие турецкие укрепления, осажденные палили из пушек и ружей «беспрестанно».⁶²

20 августа в крепость подошло подкрепление, высланное Г. Г. Ромодановским и И. Самойловичем впереди себя. Полуполковник Ф. Тумашев с 615 белгородскими драгунами и 800 сердюками переправился в стругах и лодках на Бужине перевозе через Днепр, а оттуда «шли к городу ночью лесом и болоты». Они подошли к Чигирину «на утренней заре с московской стороны к

Корсунской башне» и, дождавшись рассвета, «зnamена роспустили и ударили в барабаны» и были сразу впущены в крепость.⁶³

П. Гордон сообщает интересные подробности о проходе отряда: «К счастью, турки не открыли и не напали на него, иначе он мог легко быть весь уничтожен, так как солдаты очень устали, а оружие и амуниция их были совсем мокры. Между прочим, весьма правдоподобно рассказывали, что отряд этот пропустили татары, стоявшие по сю сторону города; говорили, будто они и в других случаях поощряли осажденных выдерживать осаду». Нежелание татар воевать подтверждает и А. Лужин: «А как де хан с татарами и з Белого-роцкою ордою стояли с моськовской стороны за рекою Тясмою и с приходу и до отходу своего по городу и по ратных людех не стреляли и порухи от них никакой не было. А животина де чигиринских жителей в день ходила на острову, что на реке Тясме ниже Киевской башни и пастухом, и животине от татар никакова упадку не бывало, а к ночи де скотину гоняли в город».⁶⁴

Рассказ П. Гордона о приходе подкрепления во всех основных моментах согласуется с другими источниками за одним существенным исключением: он отметил, что русский отряд мог быть уничтожен противником и только слепое счастье помешало этому. Он видел здесь не смелость самого предприятия, принесшего к тому же успех, а просчет командования, лишь по счастливой случайности не закончившийся бедой.

После прихода подкреплений А. Трауэрнхт выслал вверх по реке Тясме

15 стрельцов в лодках для языков. Пойманные два валаха показали, что теперь турки «хотят над городом чинить промысл пуще прежняго», так как по-

лучили известие о приближении войска Г. Г. Ромодановского и И. Самойловича к Днепру.⁶⁵

23 августа в Чигирине услышали пушечную пальбу на Днепре. От «пропаганды» из полка Г. Г. Ромодановского в крепости знали, что это русско-украинское войско подошло к реке. На следующий день в Чигирине видели, как Ибрагим-паша и крымский хан с большей частью войска двинулись против Г. Г. Ромодановского и И. Самойловича, чтобы не допустить их переправы через Днепр. У Чигирина остались турецкая пехота, молдавские и сербские войска с пушками. Турки усилили огонь, надеясь взять крепость до подхода главных русско-украинских сил.

Однако турецко-татарская конница опоздала и передовые части армии Г. Г. Ромодановского и И. Самойловича, в том числе и полк П. Гордона, уже переправились через Днепр, что заставило турок отказаться от большого сражения и начать общее отступление.⁶⁶

Ибрагим-паша, «поворотясь под Чигирин», предпринял последнюю попытку захватить город. Никогда еще турецкая артиллерия с таким ожесточением не обстреливала крепость: «стреляли пуще прежняго безусыпно». Турецкие, молдавские и сербские войска «во многих местах» засыпали ров и «к городу учили валить вал», т. е. насыпали землю прямо к крепостной стене, чтобы пехота могла свободно взойти на нее. Из города стреляли из пушек и ружей и забрасывали противника ручными гранатами «и валу к городу привалить не дали».⁶⁷

29 августа началось отступление турецко-татарской армии от Чигирина. Неприятель был вынужден оставить запасы хлеба, стада буйволов и быков,

пушечные ядра и гранаты. Палатки складывали в костры и поджигали. Армия отступала в порядке, увозя с собой артиллерию. Опасаясь ловушки, осажденные не ходили на вылазку, с облегчением наблюдая отход противника.

А. Лужин рассказывал, что, если бы Г. Г. Ромодановский и гетман задержались еще немного, Чигирин бы не удалось удержать. Осажденные «утомились», боеприпасов оставалось всего на три дня. А. Трауэрнхт уже выдавал из Верхнего города порох казакам, у которых он кончился.⁶⁸

Потери противника А. Лужин исчислял в 6 тыс. Этую же цифру приводит и П. Гордон, почерпнув ее, надо думать, из отчета А. Трауэрнхта. После освобождения Чигирина П. Гордон побывал в крепости. Осмотрев место турецкого лагеря, он не упустил случая критически отнести к сообщенной ему цифре потерь противника: «по могилам же Гордон заключает, что их не могло быть больше 2000», уменьшив тем самым успех своего недруга в три раза.

Потери осажденных составили, по словам А. Лужина: казаков — 530, стрельцов — 136 убитых и 391 раненых. Цифры П. Гордона близки, но снова несколько отличаются в неблагоприятную для московских войск сторону: убито 150 стрельцов и 48 «других русских», очевидно солдат, казаков — 800 чел. П. Гордон не преминул добавить, что раненых «было очень много».⁶⁹

Обращает на себя внимание, что потери в частях гарнизона были различны: у казаков погиб каждый шестой, у стрельцов — один из двадцати, а у солдат — один из тридцати пяти. Казаки составляли более половины гарнизона и обороняли наименее защищенный Нижний город, почему и понесли наибольшие потери.

После изложения «реляции» А. Трауэрнхта П. Гордон записал слышанное в Чигирине: «Казаки... осуждали поведение русских; по их словам, русские не выказывали ни малейшего мужества: они едва смели стоять на валу, не говоря уже о том, чтобы предпринимать вылазки или чем-либо другим встретить врагу, и не делали попыток в этом направлении до тех пор, пока они (казаки) частью уверцеваниями, частью примером не возбудили в них мужества и доверия к себе».⁷⁰ Такие разговоры действительно имели место и были зафиксированы также в украинской летописи Самоила Велички: «мужественні облженци Козаки, сами єдни (бо войско Великоросійське, в замку Чигринском знайдовавшося, з Козаками отнюдь не виходило) частокрот з Чигирином випадаючи, и чрез коши в шанци турецкі вдиралися».⁷¹ Среди обычных после сражения разговоров о том, кому принадлежит главная честь победы, П. Гордон услышал то, что хотел услышать. Ведь такие суждения противоречили официальному отчету его недруга А. Трауэрнхта.

Действительно, отношения московских людей с казаками были непростыми. Достаточно вспомнить, чем грозили местные жители солдатам прошедшей зимой. Взаимное недоверие сохранялось как во время осады — казаков не сразу впустили в Верхний город, — так и после отхода турецкой армии: И. Самойлович «старшину и козаков старинных спровадил з Чигирина на Задніпра... бо не довірав чигиринцям».⁷² Однако совместные боевые действия перед лицом вторжения «басурман» отодвигали это недоверие на второй план. Иначе казацко-московский гарнизон не смог бы выстоять против пре-восходящих сил противника. Все попытки Ю. Хмельницкого склонить казаков на свою сторону не увенчались успехом.

Записанные П. Гордоном разговоры казаков помогают увидеть сложность взаимоотношений русских и украинцев в дни обороны Чигирина, но они не соответствуют достигнутому результату: победа над грозным противником была достигнута совместными усилиями сравнительно маленького казацко-московского гарнизона.

Приложение

(1677 сентября 11). Распросные речи полуголовы московских стрельцов Алексея Матвеева сына Лужсина об обороне Чигирина.*

л. 1 //^а татарова от Бужина и от Чигиринь Дубровского и от Черкасского перевоза, чтоб великого государя ратных людей и казацких войск чрез Днепр не перепустить.

И августа в 4 день числе^б во 2-м часу дни неприятелские люди конные и пешие учили приходить к старому валу, и ратные и казаки, видя, что те неприятелские люди приходят близко старого валу, и в то время ходили на вылазку из Верхнего города — полуголовы он, Алексей, да Сергей Головцын, да Илья Дуров, а с ними сотников 6 человек да стрельцов девятсот человек охотников, а з нижняго города — полковники, а с ними казаков с тысячею человек и болши. И бились того числа о старом валу со втораго часу дни до вечера, стрелялись из мелкова ружья и съемным боем. И на том бою божию милостию и заступлением Пресвятая Богородицы и великого государя счастием неприятелских людей побили многих // и от старого валу великого государя ратные люди и казаки в вечеру отступили в город в целости. А турская пехота той ночи тот старой вал засели против Верхнего всего города, а Нижняго — вниз к реке Тясме против половины.

И августа против пятого числа в ночи против Верхняго города и Спасской башни, где стоял голова Микита Борисов, туры зделали шанцы от города саженях в пятидесяти и поставили два роскаты и на роскаты встасчили пушки. И той же ночи, часа за два, учили ис пушек и из мелкова ружья по Верхнему городу и по Спасской башне бить и из верховых пушек в город стрелять нарядными ядрами. И августа пятое число день весь до вечера непрестанно по городу били, и башню, и город испробили, и верховые пушечные бои отбили, и пушки с станков збили. И ночью стрельцы те пушки станков боев стаскали, а из города по неприятелех Спасской башни из середняго бою и от Козья Рогу, и от Дорошенковы тюрьмы ис пушек и из мелкова ружья стреляли беспрестанно ж и тою стрельбою турков и волохов, и мултан, и сербов побивали многих. И того числа в день ближе к городу турков тою стрельбою не подпустили.

* РНБ ОР. Ф. 536. Оп. 1. Q-96 а. Столбец на 28 составах: л. 1—3, 8—32. Филиграи: Страсбургская лилия двух типов с литерами РД, по альбомам не отождествляется; Голова шута двух типов: 1) с пятью бубенцами типа — Дианова, Костюхина. № 335 (1653) (Филиграи XVII в. По рукописным источникам ГИМ. Каталог / Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина. М., 1988. № 335); 2) Голова шута — просматривается слабо, по альбомам не отождествляется.

^a Начало в тексте утрачено.

^b Так в тексте.

// И против шестаго числа ночью к Верхнему городу турки подвели шанцы л. 3 ближе саженях в 40, а от первых своих шанцев сажен з 10 и зделали роскаты, и на роскатех поставили пущечной и огнестрелной снаряд. И той же ночи, часа за два до дни, учали ис того снаряду по Верхнему городу и по роскату, что зделан на Дорошенкове турме, где стоял // Григорей Титов, бить. И ис л. 8 того снаряду и верхоми гранаты в город и по городу стреляли 6-е число день весь. И на роскате верхние бои збили, и роскат розбили, и каменную стену испробили, и ратные люди пушки с роскату снесли. И з Спасской башни, и з городовой стены с обоих сторон ратные люди, и из Нижняго города казаки пущечною и ручною стрельбою турских многих людей побивали ж, и тем город очищали, и того дни к городу ближе их не допустили.

И против 7-го числа августа ж в ночи к городу ближе в саженях в 30 привели третие шанцы против башни, что стоит х Козьему Рогу, и учинили роскат, и стреляли по той башне с того роскату ис пушек, и ту башню, и стену, и церковь Николая чудотворца испробили во многих местех, и верховой бой отбили, и ратные люди пушки с той башни той же ночи стаскали. И той же де ночи турки шатры и наметы разставили к городу ближе в верстах в дву, и четвертые шанцы поставили, и роскаты зделали от города саженях в 20. И к Нижнему городу, что Козье Рогу, подвели шанцы ж, и стреляли из верховых л. 9 пушек и из мелкова ружья по городу и в город. И в городе великого государя ратным людем и казаком было утеснение, и от верховых нарядных гранат у ратных людей телеги и хлебные запасы, и платье разметало и пожгло, только за помощью божиую отстреливали ис пушек и из мелкова ружья, и турских многих людей побивали ж.

И августа в 7 де на розсвете из Верхнево и из Нижнего города полуголовы и сотники с стрелцами ходили на вылазку к турским ближним шанцам, и в шанцы метали ручными гранаты, и турков из шанец выбили в середние шанцы, и многих турских людей копьи и списами перекололи. И в языщех взяли трех человек, и черкасы тех языков дву человек во рву подле Верхняго города в руках у стрельцов перекололи для добычи, а третьяго по голове ранили черкасы ж, и платье с него сняли. И стрельцы того раненаго турченина унесли в Верхней город, а сами ратные люди от турских людей пришли в город в целости. А в роспросе тот турченин сказывал, что пришел под Чигирин Ибраим Шатан-паша, а с ним турков и волохов, и мунтянов, и сербов, и крымских, и белогородцких татар // тысяч со 100 и болши, а намерение де их, чтоб город л. 10 взять в три дни, а болши де того ничего не сказывал, и от ратных тот турченин умер того же числа. Да в то же число генерал маор и головы по совету ратным людем велели в городе зделать от городовой стены сажени с полторы другую стену, и насыпали меж теми стенами землею, и поделали середние и нижние пушечные бои, и поставили пушки, и ис пушек по неприятелех стреляли, и турков многих побивали.

И с того де дни до 9-го числа августа ж была стрельба ис пушек, и верховыми гранаты, и из мелкова ружья на обе стороны днем и ночью непрестанно. А в девятом числе ходил на вылазку полуголова Илья Дуров с сотниками, а с ним стрельцов с 600 человек, а из Нижняго города казаков человек с 500. И божиую милостию, и его величества государя счастием неприятелских людей из ближних шанцев ручными гранаты выбили, и кололи их копьями, и

гнали их, и рубили до середних шанцев, и отступили те неприятельские люди
л. 11 в другие шанцы. А бой был // съемный большой. И из задних шанец турки, пришед своим на помочь бились тот день весь, и государевы ратные люди отступили в город. И турские люди после того ночи пришанцовались ко рву, что подле города, и подвели под вывод, что против Спасской башни, подкоп. И тот подкоп взорвало, и ис того подкопу бросило на турков, и они чрез то место всеми силами пришли к Спасской башне з знаменами к воротам, и тут их божию милостию многих побили и от города и от башни прочь отбили. И после того турки к Большому городу против башни Козья Рогу, где ходят по воду тайником х колодезю и в реку Тясмину, поставили саженях в 30 шанцы и роскат. И, поставя пушки, и стреляли в город, и хотели тою стрельбою отнять воду. И за помощью божею и города пущечною стрельбою тот роскат у них разбили, и пушки збили, а иные пушки и разбили. И турки те пушки с того места снесли к Верхнему городу и к Большому на другую сторону. И в тех же числах передался ис турского воска арапленин в Нижней город и сказал, что турки ведут под Верхней город подкоп, указал место, от коих мест из шанец
л. 12 ведут подкоп. И Григорьева приказу Титова стрелец тот под//коп учал перекопывать, и в том перекопе того стрелца убило верховым гранатом. И после того Нижняго города каменные стены саженях на осми взорвало, и божию милостию тем взрывом ратных людей и казаков никово не убило, а просило ту стену в ров. А перед взрывом стрелялись ис пушек и от мелково ружья. А как стену взорвало, и турки на то место пришли на приступ всеми силами, и из Нижняго, и из Верхняго города на то проломное место пришли ^вдвенадцать^в пляцовых сотен стрелцы и казаки, и бились с неприятельскими людьми часу с шестаго дни до вечера. И многих турков побили, и от города в шанцы отбили, и на то проломное место поставили ночью струбы, и насыпали землею. Да в тех же числах ведомо им в Чигирине учинилось, что боярин и воеводы князь Григорей Григорьевич Рамодановской с товарищи и гетман Иван Самойлович идут к Днепру с великими силами, а те де вести сказывал черкашенину, приезжая, татарин. И генерал де Афонасей, поговоря с чигиринским полковником з Григорием Карповым, послали в пол//к к боярину и воеводам ко князю Григорию Григорьевичу и к гетману ис Чигирина казака прозвище Дворецкого да стрелца, чтоб прислали к ним в Чигирин ратных людей на помочь. И боярин и воеводы прислали к ним на помъчь до отходу турских людей за неделю с полуполковником с Фадеем Тумашевым белогородцкими драгунами 615
л. 13 человек да гетман прислал // сердуков 800 человек. А присла де на помочь на утренной зоре с московской стороны к Корсунской башне. И пришед к городу, знамена роспустили и ударили в барабаны, и генерал их тотчас велелпустить в город. А шли де они, сказывали, на Бужин перевоз, а перевелись в стругах и в лотках. // От Бужина де перевозу шли к городу ночью лесом и болоты.

А до приходу де той помочи в три недели было из города на неприятелей вылазок всех з 10, а на вылазки ходили сотники, а с ними стрелцы и казаки охотники. И божию милостию и великого государя счастием на тех вылазках турков побивали многих, и в Верхней город ратные люди у турков взяли на тех вылазках три знамени. А как пришли на помочь ратные люди ис пол-

ков, и после их приходу вылазок не бывала для того, что турки подле городового рву покопали шанцы глубокие до их приходу и покрыти плетнями, и хвостом, и камышом, и почали бить, и по городу стрелять пуще прежняго, и катки, и обламы с Верхняго города збили. А как те драгуны пришли в Чигирин на помочь, и из города генерал послал 15 человек стрелцов водою под турские шанцы для языков вверх по реке Тясме в лотках. И те стрелцы в город пришли в цело//сти, а с собою привели в языщах дву человек волохов, а сказали, что тех волохов взяли на дороге от города верстах в дву и болши. И те волохи про турские и волосские, и мунтянские воска, сколка их под город пришло и долго ль станут стоять, того они сказали не ведают. А про прибыльных людей, что пришли в Чигирин на помочь, турки де уведали и от той помочи зело сумневающца, и хотят над городом чинить промысел пуще прежняго, потому: ведомо де им учинилось, что боярин и воеводак нязь Григорей Григорьевич Рамодановской и гетман Иван Самойлович со многими силами к Днепру пришли.

Да до посылки де в полки к боярину и воеводам ко князю Григорию Григорьевичу и к гетману о помочи казака Дворецкого, дни за три, пришедши к головам головы ж Микитина приказу Борисова раненой стрелец, а как ево зовут, того он Алексей не упомнит, говорил, что было ему явление в тонце сне. А явился де ему ночью в ыноческом платье стар человек подобием чудовища Сергию, а ве//дел ему сказывать в городе всем ратным людем, чтоб они ^{л. 17} сидели в городе крепко и бились с неприятели надежно. А будет де в город помочь вскоре, а явился де ему и о том говорил во сне не по одино время. И генерал маеор, и головы священником велели молебны петь и воды святить, и по городу водою святою кропить. И тем явлением ратные люди и казаки укрепились, и над неприятели после того явления чинили воинские промыслы мужественнее прежняго. Да в те же числах, до приходу прибыльных людей, подвели турки подкоп под Верхней город против Дорошенковы тюрмы. И тот подкоп взорвало против той тюрмы во рву. И ратным людем никакой порухи не учинилось. И в то время турки приходили к городу приступом, и божию милостию и великого государя счастием из Верхнева и из Нижняго городов ратные люди турков отбили, и многих побили. Да турки ж вели два подкопа к Верхнему городу под башню, что стоит х Козью Рогу, и те подкопы стрелцы подкопали и за//сыпали, а зелья и никаких припасов у них не взяли. Да тур^{л. 18} ские ж де люди у Верхнево города против башень Спасской и Козью Рогу рвы засыпали землею и учинили подле рву шанцы, и в ров во многих местах зделали пролазы. И по городу, и по башням, и в город из большаго снаряду и из верховых пушек гранаты с приходу и до отходу своего так же и нарядными стрелами для зажигания стреляли беспрестанно днем и ночью. И во многих местах башни и город теми нарядными стрелами во многих местах зажигали, и ратные люди водою заливали и помелами гасили, и ручные гранаты неприятельские люди к городу в ров и в вывод метали беспрестанно ж. А ручные де гранаты были у них медные. И в городе ратных людей побивала // от вер^{л. 19} ховых гранат, и хлебные запасы у ратных людей ^г и ^г платья разметало и похжло, и от того ратным людям было утеснение болшое. А от ручных гранат ратным людем в городе утеснения и порухи большой не было. А приступом

^{в-в} Приписано над строкой.

турки к городу приходили по многие дни с щитами без лесниц, а туры метали в ров и засыпали // землею. И по ночам ратные люди из рву ту землю размештывали по рву на стороны и серед рву те туры, складчи, жгли. А как те туры жгли, и в то время из города по турским людем стреляли ис пушек и из мелкового ружья беспрестанно. А турских людей и волох, и мутяня, и сербов, сказывали взятые языки и переезжаки, которые переезжали в Нижней город х казаком, что побито на вылaskaх и на приступех тысяч с шесть и больше.

И до отходу турских людей дней за пять послышали с Чигирина ратные люди на Днепре пущечную стрелбу. И проходцы ис полку боярина и воеводы князя Григория Григорьевича Рамодановского к ним приходили с тою вестью, что он боярин и гетман с войски пришли к Днепру. И турской де Ибраим Шатан паша, уведав их приход к Днепру, ис-под Чигирина ходил сам с войски и с пушками к Днепру и с ним хан с татарами. А многое ль их число ходило к Днепру, того он, Алексей, не ведает. А ходили де для того, что боярина // и гетмана с войски чрез Днепр не перепустить. А под городом оставалась турская пехота и волохи, и мутяня, и сербы с пушками ж, а многое ль число оставались, того он не ведает. И по городу били и стреляли беспрестанно пуще прежняго и намерение де их такое было: до коих мест боярина и гетмана с полками чрез Днепр не перепустят, и в то б время город взять. И как божию милостию и великого государя счастием боярин и гетман турков и татар на Днепре побили, // и Ибраим Шатан-паша, поворотясь под Чигириц, велел по городу и по башням ис пушак и верховыми нарядными ядрами в Нижней и Верхней городах, и по городу стрел//ть беспрестанно. И стреляли пуще прежнего безусыльно. И ров у Верхняго и у Нижнего городов во многих местах засыпали землею и к городу учели валить вал. И из Нижнего, и из Верхняго городов, и из сподних и из верхних "боев" ис пушак и из мелкова ружья по турским людем стреляли ж, // и ручными гранаты в шанцы их метали беспрестанно ж. И божию милостию и заступлением Пресвятые Богородицы, и великого государя счастьем турских и волоских, и мутянских людей, и сербей побили многи, и валу к городу привалить не дали. И августа 28 день, ввечеру, приехали от Днепра, белогородцкие татаровя Ибраим Шатану паше сказали, что боярин и гетман с великими силами Днепр перешли и торков, и татар всех "у Нипра побили", и многих в полон побрали и что де их турская и нога в свою землю не уйдет. И Ибраим де Шатан паша, слыша про такие великие силы, августа против 29 числа со всеми силами и хан Иннадын с татарами пошли от Чигирина прочь к Черному лесу. И пометали в обозе хлебные запасы, и на полях буйволы и быки, и в тaborах пущечные ядры и гранаты, и соль, а пушек не покинули. И тaborы свой зажгли, и, за жеши, в тот огонь наметы и полатки свои бросали. И пущечные ядра и гранаты, и соль их взяли казаки. А вслед за ними на вылоску // великого государя ратные люди и казаки не ходили, чая их какова обману. А про те вести, что приежав белогородцкие татаровя к Ибраим Шате сказывали, что пришли к Днепру московские и казацкие великие рати, слышал он, Алексей, последне взятыя от выходцов от казаков*. А есть ли б де прибылые ратные люди

и казаки в Чигирин на помочь вскоре не пришли и боярин и воеводы князь Григорий Григорьевич с полками, и гетман с казаками к Днепру не приближались, и турки б де вскоре не отступили, и в городе было б сидеть зело опасно, потому что ратные люди первые ³⁻³ осадные ³ осадные сидельцы и прибылые ⁴⁻⁴ казаки утомились, и пущечных ядр и зелья в Верхнем и в Нижнем городех стало мало. А только б де всех пущечных и полковых припасов было на три дни. А в осаду де черкасом из Верхнева города в Нижней город генерал давал пущечное и руч//ное зелье, потому что в Нижнем городе зелья не ⁴⁻⁴ было.

А город был Верхней с Крымской стороны до приходу турских людей зделан новой, рублен в две стены и насыпан хрецом, а поверху обламы ⁵⁻⁵ рублены ж тарасы и насыпаны хрецом же, и башни, и роскаты новые. И з башни⁶⁻⁶ ж для крепости засыпали стрелцы землею ров подле того города глубиною сажени в пол трети, а инде де и менши, ширину сажень в шесть. И места во рву песочное, только де // около Спасские башни по обе стороны са- ⁶⁻⁶ жень будет по 15 ломать, и огнем выжен камень дичь глубиною сажени з две и больше. А Нижней город с крымские ж стороны рублен был в две стены и насыпан землею. А ров таков же, что и у Верхнева города, и в осаду де из пущечной стрельбы Верхней и Нижней городах везде испробиты и стали зело худы. И впредь к осадному времени, не зделав вновь, ненадежны. И как турки того рву стреляли ис пушак, из верховых гранад, и город во многих местах пробивало, и хрящ, что насыпан был в стене от той стрельбы разметывало на люди, и оттого ратным людем было утесненье. И Спасской башни верхние стены, и верхней мост, и бой верхней же стрелцы снесли августа еще в 8 числе для того, что турки по той башни верховыми гранаты и нарядными стрелами стреляли беспрестанно пуще иных мест, и та башня от тех стрел загаралась// во ⁷⁻⁷ многих местех, и ратные люди заливали водою и гасили помелами, и от того из верхних боев с той башни стрелять было нельзя.

Да в осаду же де к Нижнему городу приежали волохи, говорили казаком, чтоб они ратных людей в Верхнем городе покололи. И казаки им отказывали, что ратных людей им побить не за что, а побивали их они волохи турков. И волохи казаком говорили, что турков они, казаки, побивали, а как де увидят их мочь, и они в то время турков побивать учнут же.

И в осадное же время казаки, из Нижнева города в Верхней город приходя к ратным людем, против турков битца и стрелять помогали беспрестанно, и на городе заодно с ратными людми ставали. Так же и ратные люди, в Нижней город приходя, им помогали же беспрестанно. И в осаде казаки сидеть ратным людем были надежны, а надежнее были всех нежинского полку и глуховцы. А было де в осаде розных полков всех с 5 тысяч человек, а побита де казаков в осаде и на вылaskaх 530 человек, и ратных людей и казаков турки в полон не бирали, потому что де божию милостию и великого государя // счастьем на ⁸⁻⁸ тех вылaskaх ратные люди и казаки туркам были силны.

Великого государя людей в ту асаду побита в городе и на стене, и на башнях, и на вылaskaх стольника и полковника Григорьева приказу Титова

³⁻³ Зачеркнуто.

⁴⁻⁴ Зачеркнуто.

⁵⁻⁵ Зачеркнуто.

⁶⁻⁶ В тексте: зашни.

^{a-a} Зачеркнуто.

^{b-b} Приписано над строкой.

* В тексте: казаков.

стрельцов 60 человек, ранено 160 человек. Голов московских стрельцов Миткина приказу Борисова ^{м-м} «убито»^м 3 человека сотников: Михаила Сапогов, Андрея Парфеньев, Степана Данилов, ранен Михаил Муханов, стрельцов побита 37 человек, раненых 129 человек. Федорова приказу Мещеринова сотников ^{о-о} «ранено»^о 2 человека, стрельцов побита 36 человек, раненых 99 человек, а побивано де и ранено ратных людей пуще из ломовых из верховых пушек, ядры и гранаты большими. А пущечные де ядра подбирали в городе в пуд, а иные и меньши, а гранаты де были большие верховые, а иные и середние, а коковы весом, того де сказать нельзя, потому что те гранады разрывали, а упадывали де те гранаты в землю в колена. И как которой человек увидит ядро близко себя в земле, и он в то время лежит // на земле, и как взорвет то ядро и землю чез того человека перебросит, и ево не вредит ни в чем. И тем многие люди от тех верховых гранат и зберегались. А есть ли де перед зрывом встанет скоро и духом от тех гранат людей побивало. А в избы и в анбары ^{о-о} теми гранаты приходило из избы и анбары ^о хлеб разметывало и людей бревнами побивала. А з ручных гранат учала было ратных людей побивать, и ратные люди в выводах покопали ямы в пояс или меньши и лопатами те ручные гранаты ратные люди бросали в те ямы. И те гранаты разрывало в ямах и ратных людей из ям не побивало. А на вылaskaх де турки бивались с ратными людьми ис пищалей, из яныченок да ис пистолей и копьями. А те пищали длины, а пистоли короткие, а копья с одну сторону крюк, а ниже крюка на обе стороны подобием чекана длиною в три четверти аршина, а дерево сажени в полторы, а иные такие, что и руские, а несекиваны золотом и серебром. И ратные люди пистоли и копья у них отбивали многие и в город приносили, а яныченок у ратных людей он, Алексей, не видал. А пушок де у турков было, как слышал он от взятых языков, больших ломовых 24 да верховых три пушки. А везли де те большие пушки по 50 быков, а малых пушек сколько было, того он Алексей сказать не ведает. И многие у турков пушки из города пущеною ж стрельбою разбивало и в неприятельских людех был большой урон от пущечной и от мушкетной стрельбы и от ручных гранат. И на вылaskaх побивали копьями и списами и побито неприятельских людей с 6 тысяч человек. А в которых де числах сотники и стрельцы на вылaskaх и на башнях, и по городу, и в городе побиты и переранены, и в которых числах на вылaskaх августа з 9 часла ратные люди ходили, и иных статей, сказать он, Алексей, не упомнит, потому что он, Алексей, стоял у реки Тясьмы на башне Козьем Рогу с переменою поденно. А головы в осадное время стояли по расположенным местам сами беспрестанно и полуголовы, и сотники с переменою ж, приходя, з головами стояли вместе. А взятых де языков в Верхнем городе волохов и мунтян 2 человека да переезчиков // человек з 10. А в Нижнем городе сколько языков и переезчиков, того он не ведает. А как турки от города отступили, и языков про отход их и про намерение генерал распрашивали ли, того он, Алексей, не ведает. И в осадное время головы генералу во всем были послушны и во всем с ним, генералом, советовали, и генерал де к ратному осадному делу знающ и не дробок.

^{м-м} Прописано над строкой.
^{о-о} Прописано над строкой.
^{о-о} Прописано на полях.

А как де хан с татары и з белогороцкою ордою стояли с моськовской стороны за рекою Тясьмою, и с приходу и до отходу своего по городу и по ратных людех не стреляли, и порухи от них никакой не было.

А животина де чигиринских жителей в день ходила на острову, что на реке Тясьме ниже Киевской башни и пастухом, и животине от татар никакова упадку не бывало, а к ночи де скотину гоняли в город.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Попов А. Турецкая война в царствование Федора Алексеевича // Русский вестник. М., 1857. Т. VIII. С. 325.

² Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. СПб., 1905. Кн. 6, т. XV. С. 290—310.

³ Косиненко Н. И. Первая русско-турецкая семилетняя война. Чигиринские походы 1677 и 1678 гг. СПб., 1911. С. 90, 91.

⁴ Минко Д. И. Чигиринские походы 1677—1678 гг.: Дис. канд. ист. наук. Киев, 1946.

⁵ Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв. М., 1946. Т. II. С. 160.

⁶ Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. М., 1955. С. 524, 530, 531.

⁷ Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 97.

⁸ Смолий В. А. Традиции державности на правобережной Украине (другая половина XVII—начало XVIII ст.) // Сереньковича Украина. 1994. Вип. 1. С. 109—123.

⁹ РНБ. Ф. 536. Оп. 1. Q-96a.
¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 501. Л. 43, 44.

¹¹ История о невинном заточении близкяго боярина Артемона Сергеевича Матвеева. М., 1785. С. 2, 28, 107, 111, 201, 203.

¹² РНБ. Ф. 532. Оп. 1. Q-96a. Л. 5, 6.

¹³ Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв. Т. II. С. 140.

¹⁴ Дневник генерала Патрика Гордона // ЧОИРД. 1892. Кн. 3. Отд. III. С. 111 (далее — Дневник).

¹⁵ Дневник. С. 97.

¹⁶ Там же. С. 110, 111. Источником этого рассказа П. Гордона послужили, скорее всего, письма сентября 1677 г. из Москвы боярину В. В. Голицыну от его приказчика М. Боеву и стольнику Ф. С. Нарбекова. Накануне и во время похода 1677 г. П. Гордон не раз посещал В. В. Голицына и от него, вероятно, узнал обстоятельства привезда гонцов в Москву. В изложении П. Гордона детали писем к Голицыну несколько искажены. В частности, пожалованные гонцу 50 рублей превратились у П. Гордона в 50 крестьян. Остается неясным, был ли эпизод с подрезанием подруги передан В. В. Голицыну на словах (в письмах об

этом нет ни слова), или он обязан своим появлением источному пересказу П. Гордона поведанной ему историей — Грамотки XVII—начала XVIII в. М., 1969. С. 130, 142—144.

¹⁷ Грамотки XVII—начала XVIII века. С. 130. АЮЗР. Т. XIII. Стб. 304, 305.

¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 15. Л. 118 об.; Ф. 396. Оп. 2. № 331. Л. 38 об., 50 об. Примечательно, что Петр Лужин умер в следующем году «под Чигириным» (РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 16. Л. 108).

²⁰ Там же. Московский ст. Стб. 529. Столпик 1. Л. 4—14; Ф. 159. Оп. 1. № 57. Л. 1, 11, 12, 21—23; спр.: л. 3—7; АЮЗР. Т. XIII. Стб. 28, 38, 39; Дневник. С. 120. М. О. Кровков прекрасно понимал, что он не может приказывать чигиринским жителям. В частном письме 14 октября 1676 г. своему покровителю П. И. Хованскому М. О. Кровков писал об украинцах: «на их вольности угожать надобно» («Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников. М., 1906. С. 57).)

²¹ РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 529. Столпик 1. Л. 30—33, 43, 44, 49, 50.

²² Там же. Л. 45—48, 78, 79.

²³ Дневник. С. 121; АЮЗР. Т. XIII. Стб. 273, 286, 369. Этую же численность татарского войска, участвовавшего в походе на Чигирик, подтвердил 30 августа 1677 г. выходец из крымского плена рязанский сын боярский И. М. Реткян: «при нем ханс 20 000 вышел из Крыму и пошел к Чигирину» (РГАДА. Ф. 210. Белгородский ст. Стб. 847. Л. 383).

²⁴ Там же. Л. 35, 36; АЮЗР. Т. XIII. Стб. 369.

²⁵ Там же. Московский ст. Стб. 529. Столпик 1. Л. 160.

²⁶ РЦВИА. Ф. 846. Оп. 15. № 3. Л. 17; Gordon P. Tagebuch des Generalen Patric Gordon. М., 1849. Bd 1. P. 434; Дневник. С. 111; Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Кн. 6, т. XV. С. 292. Исследователи не всегда различали солдат и стрельцов в составе гарнизона Чигирия. По оценке Н. И. Косиненко, в крепости перед осадой было свыше 6 тыс. казаков и до 4 тыс. стрельцов. Я. Е. Водарский, напротив, писал о 5 тыс. солдат и 7 тыс. казаков (Косиненко Н. И. Первая русско-турецкая семилетняя война. С. 38; Очерки истории СССР. С. 522).

²⁷ АЮЗР. Т. XIII. Стб. 28, 38, 39, 98, 122, 140, 143, 303, 362.

²⁸ РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 529. Столпик 1. Л. 145, 146; Архив СПб ФИРИ. Кол. 40. Оп. 1. Д. 56. № 54. Л. 29—29 об.

²⁹ ДРВ. Ч. 17. М., 1791. С. 296—298; АЮЗР. Т. XIII. № 19, 21; Дневник. С. 101.

³⁰ АЮЗР. Т. XIII. № 38; Архив СПб ФИРИ. Кол. 40. Оп. 1. № 56. Л. 51—51 об.

³¹ Временник ОИДР. Кн. VI. № 3; Кн. XII. № 45; Кн. XIII. № 15; Архив СПб ФИРИ. Кол. 40. Оп. 1. Д. 56. № 66. Л. 55.

³² Временник ОИДР. Кн. XIII. № 14.

³³ АЮЗР. Т. XIII. № 51; РГАДА. Ф. 210. Севский ст. Стб. 310. Л. 739—745.

³⁴ АЮЗР. Т. XIII. Стб. 241; ДРВ. Ч. XVII. С. 298, 299, 242, 243.

³⁵ О столкновении местнического характера между В. В. Голицыным и Г. Г. Ромодановским в чигиринском походе 1677 г. см.: Седов П. В. Закат местничества (статья находится в печати).

³⁶ РГАДА. Ф. 210. Севский ст. Стб. 310. Л. 562—573.

³⁷ АЮЗР. Т. XIII. Стб. 283.

³⁸ Дневник. С. 112. По русским данным, турки подошли к Чигирину «в обед», а по турецким — «перед обедом». Разница легко объяснима: подойдя к крепости, турки встали лагерем и начали готовить еду (АЮЗР. Т. XIII. Стб. 269, 287).

³⁹ Дневник. С. 112; АЮЗР. Т. XIII. Стб. 269, 287; РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 529. Столпик 1. Л. 12, 76, 77.

⁴⁰ Дневник. С. 112; РНБ ОР. Ф. 536. Оп. 1. Q-96а. Л. 1, 2.

⁴¹ Там же. Л. 2; РГАДА. Ф. 210. Белгородский ст. Стб. 847. Л. 347.

⁴² Дневник. С. 112, 113.

⁴³ РНБ ОР. Ф. 536. Оп. 1. Q-96а. Л. 3, 8.

⁴⁴ Там же. Л. 8, 9.

⁴⁵ Там же. Л. 9; Дневник. С. 113, 114. Гонец из Чигирина сообщил, что всего во время этой вылазки было взято 11 пленных.

⁴⁶ РНБ ОР. Ф. 536. Оп. 1. Q-96а. Л. 10.

⁴⁷ АЮЗР. Т. XIII. Стб. 257, 258, 372; Дневник. С. 113.

⁴⁸ РНБ ОР. Ф. 536. Оп. 1. Q-96а. Л. 28.

⁴⁹ Там же; Дневник. С. 115; АЮЗР. Т. XIII. Стб. 372.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 210. Белгородский ст. Стб. 847. Л. 376—378.

⁵¹ Дневник. С. 114; РНБ ОР. Ф. 536. Оп. 1. Q-96а. Л. 32.

⁵² Архив СПб ФИРИ. Кол. 40. Д. 56. № 69. Л. 63.

⁵³ РНБ ОР. Ф. 536. Оп. 1. Q-96а. Л. 10, 11. П. Гордон датирует вылазку 10 августа; в ней участвовало 600 стрельцов и 800 казаков, из которых было убито 26 и ранено «приблизительно вдвое больше». Вопреки свидетельству А. Лужина П. Гордон утверждает, что «когда турки были прогнаны из траншей, товарищи их, стоявшие в безопасности, не пришли к ним на помощь, а ограничились только удержанием своих постов» (Дневник. С. 114, 115).

⁵⁴ РНБ ОР. Ф. 536. Оп. 1. Q-96а. Л. 11.

⁵⁵ Там же. Л. 11, 12; Дневник. С. 116.

⁵⁶ РНБ ОР. Ф. 536. Оп. 1. Q-96а. Л. 12, 13.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 523. Л. 567.

⁵⁸ Там же. Л. 464, 548. Стб. 543. С. 111; Белгородский ст. Стб. 847. Л. 160—162.

⁵⁹ РНБ ОР. Ф. 536. Оп. 1. Q-96а. Л. 15; ср.: Дневник. С. 116, 117.

⁶⁰ РНБ ОР. Ф. 536. Оп. 1. Q-96а. Л. 16, 17.

⁶¹ Дневник. С. 160.

⁶² РНБ ОР. Ф. 536. Оп. 1. Q-96а. Л. 17—19.

⁶³ Там же. Л. 13—15; Дневник. С. 117; АЮЗР. Т. XIII. Стб. 304. Казаков в крепость было направлено 1000 чел., но часть из них (по П. Гордону, 100 чел.) отстали в пути.

⁶⁴ РНБ ОР. Ф. 536. Оп. 1. Q-96а. Л. 32.

⁶⁵ Там же. Л. 15, 16.

⁶⁶ Военные приготовления и мелкие стычки на Днепре подробно описаны непосредственным участником событий П. Гордоном (Дневник. С. 105—111).

⁶⁷ РНБ ОР. Ф. 536. Оп. 1. Q-96а. Л. 22—24.

⁶⁸ Там же. Л. 24—26.

⁶⁹ Там же. Л. 28, 29; Дневник. С. 120. Пополнение с ранеными в Чигирине осложнялось тем, что присланный из Киева лекарь был убит во время осады. Уже после отступления турок В. В. Голицын направил от себя в Чигирин двух лекарей слекарствами «и велел им раненых лечить» (РГАДА. Ф. 210. Белгородский ст. Стб. 850. Л. 771).

⁷⁰ Дневник. С. 120.

⁷¹ Летопись Самойла Величка. Т. II. Киев, 1851.

⁷² Литопись самовидца. Киев, 1971. С. 127; ср.: Летопись Григория Грабянки. Киев, 1854. С. 225.